

Труд. - 1994. -
6 янв. - с. 8

ГОНИМЫЙ

Как Сергею Параджанову укорачивали жизнь. И не только на экране

Анекдот-байка-притча — наиболее читабельный жанр для пересказа трагикомических фрагментов жизнеописания Сергея Параджанова. Мастера, подарившего миру и грядущему веку бессмертные шедевры — «Тени забытых предков», «Цвет граната», «Сурамская крепость», «Ашик Кериб» — малую толику своего вселенского таланта. Однако С. П. был настолько душевно щедр и общителен с коллегами, учениками, со всеми, кто заглядывал на огонек под крышу его временных пристанищ, что за почти четыре года, минувшие после смерти Сергея Иосифовича, появилась уже своя довольно-таки внушительная параджанада. Только радуюсь, когда узнаю, что очередной биографический фильм-очерк, посвященный С. П., получил почетную награду того или иного кинофестиваля в культурных столицах мира. Радуюсь за успехи авторов-единомышленников и соратников Мастера, каждый раз вопрошаю: неужели эти люди не понимают, что все престижные призы, дармовые приглашения и торжественные церемонии адресованы лично С. П. Мир столь завуалированным образом, чувствуя за собой вину, вспоминает Художника, компенсируя вовремя не врученные ему «Ники» и «Оскары» на киностудиях имени Довженко, «Грузия-фильм», «Арменфильм» за его потенциальные фильмы-шедевры «Интермеццо», «Мученичество Шушаник», «Ара Прекрасный», «Исповедь», «Демон», «Слово о полку Игореве»...

Сегодня, накануне 70-летия Сергея Иосифовича, упреждаемый поток анекдотов-байек-притч, на свой лад пересказанных от имени Мастера, хочу разобраться в «технологии» многочисленных попыток «закрыть» Параджанова. Что по сути власть имущим удалось: С. П. не по своей воле молчал почти 15 лет, когда лагеря, суды и негласные запреты на работу в кино и театре жестко и целенаправленно сократили ему жизнь. Причем не только на экране и сцене.

КАК «ЗАКРЫВАЛИ» ПАРАДЖАНОВА. Г. Айрян, бывший завотделом ЦК Компартии Армении, бывший председатель Госкино республики, ныне — пенсионер.

— Насколько мне известно, «Цвет граната» был запущен в производство незадолго до того, как вы стали кинорежиссером? — Сразу после назначения меня вызвали в Москву для знакомства с Алексеем Романовым, тогдашним руководителем Госкино СССР, хотя мы общались на Старой площади, когда он работал заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Разговор получился лаконичным: «Знаешь, куда направлен?» — «В кино иду». — «Да, участок этот тяжелый... А тебе известно, что Параджанов снимает у вас картину? Предупреждаю: он очень опасный автор». — «Свое мнение выскажу, когда познакомлюсь с режиссером и его сценарием».

После возвращения в Ереван звонит «вертушка». Антон Кочинян, первый секретарь ЦК КПА, не разбираясь в идеологических проблемах. Как бы от его имени указания «озвучивал» Роберт Хачатрян, секретарь ЦК по пропаганде, который был изначально против фильма Параджанова: «С ним будь поосторожнее! Каждый его кадр надо внимательно смотреть! Ты понимаешь, о чем речь?»

Выдержав этот град предупреждений, я бывал почти всюду, где снимали «Цвет граната». На студии периодически «крутили» отснятое, хотя никто ничего толком не понимал. Очередной звонок из Москвы. Главный редактор Госкино Кокорев: «Здесь все интересно, Параджановым. Надеюсь, вы знаете, что в Киеве запретили его «Фрески»? Он чрезвычайно опасен, находится под пристальным контролем инстанций. Немедленно пришлите первые кадры! Посмотрим, посоветуемся с «Большим домом».

Я согласился. А сам, увидев на экране замечательные фрагменты ленты-пейзажа, пребывал в восторге. С. П. на московский просмотр не поехал. Вернулся наш гонец сообщив, что наполовину готовая картина в пух и прах раскритикована, никак не понятна. вновь звонит Кокорев: «Трудно сказать, что ожидает этот фильм. Еще раз прошу — будьте с ним осторожнее, внимательно следите...»

Закончив картину, С. П. укатил в Киев к родным. Незадолго перед сдачей ленты руководству ЦК КПА я позвонил Сергею, попросив вернуться в Ереван, чтобы хотя бы мне объяснить ряд эпизодов, которые не смог «расшифровать» даже его оператор и друг Сурен Шахбазян. С. П., подзадержавшись, приехал после просмотра с участием высокого начальства.

— Как происходило и чем закончилось осуждение фильма, когда его первыми зрителями стали первые лица республики?

— Хотя мы заранее договорились с Кочиняном не устраивать публичные «разборки» в студии, первым провокационным вопросом задавал Мгер Мелконян, секретарь ЦК КПА по сельскому хозяйству: «Бесплатно взяли на прокат или платили за стадо баранов, занятых в картине?» Ответы держал я: «Животных одолжили в Ахпатском колхозе — за каждого перечислили 3 рубля». Заместитель главы правительства Сурен Мовсесян: «А чего это женщину поднимают и опускают?» — «Таков средневековый метод лечения. Похожий на то, чем занимаются в 4-м управлении Минздрава».

Все собирались выйти из зала, когда председатель Совета министров Бадал Мурадян открыто заявил: «Фильм мне не нравится — в нем чересчур много мистики». — «Вы — полпред власти, которым решать: принимать эту картину или нет, а нравится-не нравится — дело критиков и зрителей. Наконец, разные вкусы коммунистов не разделяют, а объединяют». — «Министр кино не имеет права заниматься демагогией!» — «Товарищ Мурадян! Никто вам не давал право обзывать меня «демагогом». Что касается «мистики», вы ее наверняка путаете с мастикой». Мой оппонент начал партозкарьеру с должности... полотера.

На следующий день меня вызвали в ЦК КПА, где на расширенном заседании секретариата окончательно решали, что делать с фильмом С. П. Мало кому известно, что решающий голос Кочиняна был продитован огромным... перерасходом средств, потраченных на «Цвет граната». Картина обошлась в 750 тысяч рублей. По этому в случае невыхода ленты на экраны компенсацию Госбанку должна была выплатить или Москва, где даже не хотели слышать об С. П., или пришлось бы разориться резервному фонду правительства Армении, на «донцышке» которого осталось всего 150 тысяч рублей.

Затем дать «добро» фильму предложил второй секретарь ЦК КПА Георгий Тер-Газарянц: «Массовый зритель сам решит — идти на него или нет». Необычную точку зрения высказал секретарь ЦК по промышленности Григорий Арзуманян: «Честно говоря, я тоже не понял картину. Когда работал инспектором ЦК КПСС, мы жили с Андроповыми на одной лестничной клетке. Его сын Игорь нередко заходил к моим двум мальчикам, и они подолгу спорили об искусстве Параджанова. Значит, новое поколение иначе мыслит. Мы не понимаем, а им нравятся его картины — поэтому наверняка в них что-то есть. Как я догадываюсь, в «Цвете граната» ничего нет против колхозов, совхозов и партии. Картину мы должны принять».

Кочинян поручил мне сообщить в Москву о «нашем поло-

жительном решении». По ВЧ я переговорил с Романовым, который спустя пять минут перезвонил мне в гневе: «Не знал, что ты способен обманывать! Как только что сказал Хачатрян, ЦК КПА отверг фильм Параджанова». Едва не онемев, я поднял трубку аппарата прямой связи с Кочиняном, который настолько громко подтвердил мои слова, что Романов ничего не оставалось, как со злости выругаться матом по ВЧ.

— Тем не менее «Цвет граната», быстро показанный в Армении и на окраинах Москвы, по сути оказался на «полке», а С. П. в качестве «безработного спекулянта и гомосексуалиста» арестовали в Киеве...

— Действительно, вскоре Кочинян и Хачатрян в один голос прикрикнули на меня: «Подальше держи Параджанова! Больше не давай ему делать у нас фильм! Хлопот не оберешься...» Несмотря на эти строгие запреты, когда С. П. вернулся в Ереван после освобождения из украинского лагеря, я пригласил его в Госкино. А после того, как залпом проитал сценарий «Ара Прекрасного», позвонил очередному главному редактору Госкино СССР Богомолу: «Может ли разрешить Параджанову снять новую ленту?» — «Почему бы и нет? Он ведь полноценный советский человек». Я навивно обрадовался, продиктовал письмо о нашем намерении в Госкино СССР на имя Ермаша. Ответа так и не дождался. Оказавшись по делам в Москве, зашел к Богомолу, который расставил все точки над «i»: «Мы, может, и разрешили бы, но «Большой дом» резко возражает».

— Вы не догадывались, от кого получил эту негласную «команду» Ермаш?

— Как известно, он до перехода в Госкино работал на Старой площади. Даже уйдя оттуда, Ермаш оставался тесно связанным с прежними коллегами по сектору кино отдела пропаганды ЦК КПСС. А тогда все значительные дела по данному «кусту» вершились согласно «особому мнению» Камшалава и его «команды».

Р. Самсонов, бывший инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС, бывший председатель Госкино Армении, ныне — доктор философских наук, профессор, руководитель группы по изучению национального самосознания Института философии и права АН РА.

— Когда вы поняли, что С. П. — человек, гонимый по указкам «сверху»?

— Первое, о чем я спросил Карена Демирчяна, тогдашнего руководителя республики, сразу после моего назначения: «Как быть с Параджановым? Мы хотим его пригласить работать?» — «Вопрос этот считаю закрытым». И все. Никакого обсуждения или аргументации. Из последующих косвенных разговоров и с ним, и с Ермашом, мне стало ясно: эта проблема решается на уровне Политбюро ЦК КПСС.

Я умышленно предал гласности фрагменты этих трех из десятков интервью, собранных у меня в папке с условной надписью — Как «закрывали» Параджанова. Причем большинство моих высокопоставленных собеседников в силу прежнего статуса никому, даже родным, не рассказывали о своей неоднозначной роли в тяжелой судьбе С. П. Из их откровенных интервью вырисовывается другая тема для последующих публикаций — Как «сдавали» Параджанова его коллеги, на очереди — малоизвестные воспоминания очевидцев о том, как мужественно и остроумно С. П. сражался с властью имущими.

Поэтому сегодня, как и почти четыре года назад, я вновь со страниц нашей газеты прошу Мастера [хотя бы как земляка-тбилисеца] простить меня за столь запоздалые журналистские расследования, посвященные почти 15 годам его жуткого молчания. Как я и обещал, Сергей Иосифович, мы не прощаемся...

Гагик КАРАПЕТЯН,
спец. корр. «Труда».

ЕРЕВАН—МОСКВА.

Параджанов Сергей

С. П. 94.